

УДК 94(470.344)''1918/1920'':338.2

**ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
КАК ФАКТОР ВЫРАВНИВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ
КРЕСТЬЯНСТВА ЧУВАШИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ***

**FOOD POLICY OF THE SOVIET UNION AS A FACTOR
IN EQUALIZATION OF SOCIAL POSITION OF PEASANTRY
IN THE CHUVASH REPUBLIC DURING THE CIVIL WAR**

Е. В. Касимов

E. V. Kasimov

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. Проанализирована деятельность продотрядов по проведению в жизнь продразверстки в годы Гражданской войны на территории Чувашии, в том числе причины введения продотрядов, методы их работы, нарушения советского законодательства. Показывается, что полное изъятие продовольственных запасов у населения было связано в первую очередь с целенаправленными указаниями центральных органов власти. Делается вывод, что деятельность продотрядов способствовала выравниванию имущественного положения крестьянства.

Abstract. This article discusses the activity of the food detachments on the territory of the Chuvash Republic on the implementation of the surplus-appropriation system in the Civil War, including the reasons for introducing the food detachments, methods of their work, violations of the Soviet law. It is shown that the complete requisition of food stocks from the population was due primarily to the instructions of the Central authorities. The author concludes that the activity of the food detachments contributed to the equalization of the peasantry.

Ключевые слова: *продразверстка, продотряды, крестьянство, советская власть, Чувашия, Гражданская война.*

Keywords: *surplus-appropriation system, food detachments, peasantry, Soviet government, Chuvashia, Civil War.*

Актуальность исследуемой проблемы. Период Гражданской войны относится к числу наименее изученных вопросов новейшей истории Чувашии. В том числе слабо освещены в историографии социально-экономические аспекты жизни населения, представленного в основном крестьянством. Особое место в рассматриваемый период занимала продовольственная политика советской власти, поскольку она прямо влияла на уровень жизни населения, от успешности ее проведения зависела судьба страны и миллионов граждан. Отдельные аспекты продовольственной политики большевистского правительства затрагивались в той или иной мере в работах В. Д. Дмитриева, А. В. Изоркина,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-11-21003

Ф. Н. Козлова, Е. К. Минеевой, В. В. Орлова, И. Е. Петрова, Д. С. Русскова, В. Г. Тимофеева и др. Однако целостная картина деятельности продотрядов на территории Чувашии и их влияния на имущественное положение крестьянства до настоящего времени не содана, и настоящая статья призвана в некоторой степени восполнить данный пробел.

Материал и методика исследований. Материалом для написания статьи послужили документы Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР), отложившиеся в фондах исполкомов уездных и волостных Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, уездных и районных продовольственных комитетов, революционного трибунала Чувашской автономной области и др. В основу исследования перечисленных исторических источников были положены историко-генетический и историко-типологический методы в сочетании с применением принципов объективности и системности.

Результаты исследований и их обсуждение. Критическое продовольственное положение внутри страны, сложившееся в конце весны 1918 г., заставило большевиков прибегнуть к чрезвычайным мерам получения хлеба. 9 мая 1918 г. был подписан декрет, подтверждавший введенную еще Временным правительством государственную монополию хлебной торговли и запрещающий частную торговлю хлебом. 13 мая 1918 г. декретом ВЦИК и СНК «О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими» были установлены основные положения продовольственной диктатуры [17, 264–265]. Цель продовольственной диктатуры заключалась в централизованной заготовке и распределении продовольствия, подавлении сопротивления кулаков и борьбе с мешочничеством. Наркомат продовольствия получил неограниченные полномочия при заготовке продуктов питания, ему было предоставлено право на установление цен на предметы первой необходимости (по соглашению с ВСНХ).

Принятые весной 1918 г. советской властью декреты не содержали указаний в отношении прав и полномочий местных органов, что в новых условиях фактически означало развязывание рук местным представителям. Произвол на местах фактически перерос в настоящую вооруженную борьбу за хлеб, идеологически мотивированную в качестве одной из форм классовой борьбы рабочих и бедноты за хлеб. Декрет от 9 мая 1918 г. объявлял всех имевших излишек хлеба и не заявивших о нем в недельный срок «врагами народа», которые подлежали революционному суду и тюремному заключению на срок не менее 10 лет, бесплатной реквизиции хлеба, конфискации имущества. Для тех, кто доносил на таких «врагов народа», полагалась половина стоимости не заявленного к сдаче хлеба. Декретом от 11 июня 1918 г. «Об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями» повсеместно учреждались волостные и сельские комитеты деревенской бедноты, в задачу которых входило «оказание содействия местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев» [17, 417]. В качестве поощрения работы комбедов из излишков, изъятых до 15 июля, выдача хлеба бедноте производилась бесплатно, между 15 июля и 15 августа – за половинную цену, а во второй половине августа – со скидкой 20 % с твердой цены. Для успеха борьбы за хлеб согласно декрету от 27 мая 1918 г. организовывались продовольственные отряды рабочих организаций.

Нельзя сказать, что не делались попытки убедить крестьян добровольно сдать «излишки» хлеба, чтобы помочь голодающим. Однако агитация подобного рода была безуспешной. Уже в первые месяцы после установления советской власти инструкторы и уполномоченные продовольственных органов сообщали, что «население, не испытывая

голода на себе, к призыву о помощи отпуском хлеба для местностей, нуждающихся в таковом, относится не сочувственно», что хлеб может быть взят исключительно путем реквизиции [11, 162]. В дальнейшем же прямо давалось указание: при агитации не обращаться к сельскому сходу с просьбой помочь голодающему населению городов, так как «крестьяне должны выполнять разверстку, ибо она есть возложенное на них государственное обязательство, а не их добрая воля» [13, 17]. Методы убеждения, естественно, сохранялись и в 1919, и в 1920 г. Но результативны они были лишь в том случае, когда за ними стояла реальная военная сила.

Одним из мероприятий советской власти, на которое в первую очередь следовало обращать внимание крестьян при агитации добровольно сдавать хлебные «излишки», было введение товарообмена. Система обмена промышленных товаров на сельскохозяйственные для усиления заинтересованности крестьян в увеличении производства и продажи продовольствия повсеместно была введена декретом СНК от 26 марта 1918 г. [17, 23–24]. Первоначальная попытка сделать товарообмен основной формой заготовки сельскохозяйственных продуктов закончилась неудачно, и в дальнейшем товарообмен применялся с целью стимулирования хлебозаготовок, для чего советским правительством был принят еще ряд декретов: «Об обязательном товарообмене в хлебных сельских местностях» от 5 августа 1918 г., «Об обязательном товарообмене» от 5 августа 1919 г. и др. Они, в свою очередь, находили выражение в нормативных актах местных органов власти. Так, циркуляром Казанского губернского продовольственного комитета (губпродком) от 14 октября 1919 г. о проведении продразверстки предусматривалось немедленно выдавать двойную норму товаров (она составляла 60 % стоимости вывезенных продуктов) тем обществам, которые вывезут до 15 ноября все 100 % положенных по разверстке продуктов. При этом все факты подобного рода должны были срочно сообщаться в Казанский губпродком для освещения в газетах. Наиболее «надежным» обществам, приступившим к вывозу хлеба, разрешалось под личную ответственность районного продкомиссара выдавать товары авансом в счет ссыпаемого хлеба. Менее «надежным» обществам товары следовало выдавать по мере поступления хлеба в размере, равном 30 % его стоимости [5, 608].

Система товарообмена не встретила поддержки сельского социума. Многие крестьяне, утверждая, что «привилегией-товарообменом могут пользоваться исключительно богатеи, которые какими-либо способами сохранили хлеб», задавались вопросом: «Что должны делать бедняки и середняки, у которых едва достаточно хлеба до нового урожая?» [15, 44]. К тому же цены на фабрично-заводские товары оказывались заметно выше по сравнению с установленными твердыми ценами на хлеб, в результате чего обмен получался неэквивалентным. Неприятие товарообмена во многом было также связано с тем, что его нельзя было назвать методом только поощрения хлебозаготовок, так как он в равной степени использовался и в качестве средства давления. Селения, открыто отказывавшиеся выполнять разверстку или сдававшие хлеб в небольшом количестве, лишались возможности получать необходимые товары, такие как керосин, соль, мануфактура, спички, мыло, табак и др., т. е. подвергались «товарной блокаде».

Нередко против системы товарообмена протестовали и сами местные органы власти. Например, общее собрание Чебоксарского уездного Совета рабочих и крестьянских депутатов в июле 1918 г. приняло резолюцию «О товарообмене», в которой говорилось о том, что последовательное проведение «в жизнь этого плана центральной властью грозит Чебоксарскому уезду полнейшим голодом в предметах городской промышленности, так как уезд излишком хлеба для обмена его на другие продукты потребления располагать не может, а рав-

но не избыточно и другими продуктами местного производства для вывоза их в другие местности». Исходя из этого, было принято решение, что если Чебоксарский уезд не будет обеспечен правом на получение промышленных товаров по установленной норме потребления, Совет будет вынужден запретить вывоз из Чебоксарского уезда товаров местного производства – лесных материалов, яиц, мочальных и кустарных изделий, кожи и т. п. [1, 20].

Распространенным методом воздействия на сельские общества были различного рода угрозы, спускаемые сверху как в отношении должностных лиц и отдельных домохозяев, так и целых селений. Одной из наиболее часто применяемых мер было предупреждение о наложении штрафов и дополнительных заданий. Например, в августе 1918 г. Цивильский военно-революционный комитет и продовольственная управа постановили, что если волостные Советы в пятидневный срок не поставят на станцию Шихраны по 3 пуда ржи с каждой десятины, то с них дополнительно будет безвозмездно взыскано по 1 пуду ржи с десятины за каждый просроченный день [16, 62].

Со второй половины 1919 г. угрозы установления более тяжелых заданий отошли, можно сказать, на второй план и использовались в сочетании с другими предупреждениями, среди которых главную роль стали играть такие угрозы, как присылка продовольственных и карательных отрядов, полная конфискация хлеба, арест и отдавание под суд всех тех, кто не выполняет предписаний о выполнении продразверстки. В первую очередь подобные предупреждения относились к членам волостных и сельских Советов [5, 608], [9, 294].

Однако подобные предписания, как бы они не выглядели угрожающе, не сильно влияли на результативность хлебозаготовительных кампаний. Продовольственные работники часто отмечали пассивность низовых органов власти или, более того, прямое противодействие. Довольно красноречивы в этом отношении оценки начальников продотрядов: «Сельсоветы работают под страхом крестьян и не стоят на платформе советской власти» (декабрь 1919 г.), «волсоветы, сельсоветы сплошь и рядом занимаются саботажем или скрытой контрреволюцией» (июль 1920 г.) и др. [12, 17], [14, 1].

Все вышесказанное обусловило тот факт, что главнейшим методом обеспечения хлебозаготовок стало направление в деревню продовольственных отрядов. основополагающие декреты о деятельности продотрядов были приняты в мае – августе 1918 г., когда в результате мятежа Чехословацкого корпуса Советская Россия была отрезана от Урала и Сибири, на которые возлагалась основная надежда в получении продовольствия, так как Кубань, Дон, Южный Урал, ряд губерний Поволжья уже были заняты противниками советской власти. В результате более 85 % товарного хлеба урожая 1917 г. оказались в районах, отторгнутых от Советской республики [24, 54]. Таким образом, борьба за хлеб превращалась для большевиков в борьбу за сохранение советской власти.

Инструкцией продовольственным отрядам от 20 августа 1918 г. предусматривалось, что каждый отряд должен был состоять не менее как из 75 человек при 2–3 пулеметах. Во главе его стояли начальник отряда и политический комиссар; общее командование всеми отрядами, действовавшими в одном уезде, должен был осуществлять уездный военный начальник. Отряды на территории уезда предполагалось размещать так, чтобы в кратчайший срок можно было 2–3 отряда соединить вместе; между ними следовало установить кавалерийскую связь. Большое внимание в инструкции уделялось соблюдению дисциплины и революционной законности: «Члены отряда обязаны подчиняться военно-революционной дисциплине; всякое нарушение таковой ведет к немедленному исключению из отряда и преданию суду. Виновные в краже, вымогательстве, мародерстве, взя-

точничестве и других подобных преступлениях арестовываются и отправляются в распоряжение губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Застигнутые на месте преступления расстреливаются. Все продукты, необходимые для нужд отряда, приобретаются по установленным ценам и за наличный расчет» [10, 283].

Четко был прописан и порядок проведения реквизиции:

«1. Политический комиссар, явившись с отрядом в деревню, собирает сход деревенской бедноты, объясняет им сущность декрета об организации беднейших слоев деревни, роль в российской контрреволюции деревенских кулаков и предлагает бедноте избрать комитет для сбора хлеба от кулаков и для заведывания распределением хлеба, сельскохозяйственных орудий и других предметов первой необходимости между нуждающимися...

3. Затем продовольственные агенты при помощи отряда и членов комитета бедноты приступают к переписи запасов хлеба у всех, не исключая и бедноты, и к обнаружению всех скрытых запасов хлеба, причем отчисляется на потребность хозяйства хлеб в количестве, определенном нормами на продовольствие семьи, обсеменение полей и прокорм скота.

4. По приведении в известность всех излишков хлеба в данном населенном пункте производится отчисление из этих излишков для бедняков, не имеющих достаточных запасов своего хлеба, на продовольствие до нового урожая по установленным нормам; таковой хлеб не выдается непосредственно неимущим, а передается в распоряжение комитета бедноты для ежемесячных выдач. Избыточный, за удовлетворением бедноты, хлеб предписывается вывезти в ближайшие сыпные пункты и государственные склады.

7. Хлеб, добровольно и к сроку сданный, принимает по твердой цене франкостанция или пристань. У неисполнивших постановления о сдаче хлебных избытков таковые отбираются по твердой цене со скидкой в 25 %. У скрывающих избытки хлеба таковые отбираются бесплатно.

11. Все замеченные в явном противодействии закону о хлебной монополии, в продаже хлеба мешочникам или расточающие хлебные запасы на самогонку арестовываются и отправляются в распоряжение губернской комиссии по борьбе с контрреволюцией» [10, 283].

Первые отряды рабочих – 5 продовольственных, 3 агитационно-инструкторских и 5 заградительных – прибыли в Чувашию в июле – августе 1918 г. Всего в 1919–1920 гг., по подсчетам И. Е. Петрова, в Чувашии действовало свыше 70 отрядов, в том числе из Москвы, Петрограда, Ярославля, Твери, Иваново-Вознесенска, Рыбинска и других городов [23, 126]. Только за неполный 1918 г. в чувашских уездах Казанской губернии (Цивильском, Чебоксарском и Ядринском) рабочими продовольственными отрядами было заготовлено 296 589 пудов ржи, 114 683 пуда овса, 49 523 пуда картофеля, до 2 200 пудов печеного хлеба (сведения на 15 ноября) [18, 57].

Деятельность продотрядов уже стала «притчей во языцех» благодаря научным исследованиям, проведенным в последние два десятилетия. Продотряды действительно прибегали к самым суровым мерам при изъятии хлеба. На это их ориентировали вышестоящие продовольственные органы и учреждения, угрожая в противном случае преданием суду. Содержание инструкций и безапелляционный тон директив не оставляли работникам продовольственного фронта возможностей для размышлений. Так, в разосланной в конце января 1920 г. телеграмме Казанского губпродкома об усилении работы по выполнению продразверстки говорилось: «Под строжайшей ответственностью предлагается вам не позднее 1 марта 80 % [разверстки] выполнить безоговорочно. [За] неисполнение настоящего боевого распоряжения будете преданы суду революционного трибунала – все, начиная с комиссара и кончая последним отрядником. Сугубая ответственность воз-

лагается на партийных товарищей» [13, 4]. Через две недели из Казани последовал новый приказ: «Предписывается всем вол[остным] исп[олнительным] ком[итетам], сельским Советам, продотрядникам, продармейцам к 20 февраля закончить 80 % разверстки. С 21 февраля во всех деревнях, не выполнивших 80 %, начать брать 100 %, накладывая сверх этого до 50 % штрафных. Виновные в неисполнении данной боевой задачи будут арестовываться и направляться в Казань. Еще раз напоминаем, что этот приказ последний, разговоры и отговорки о невыполнимости его приниматься не будут» [3, 17].

Как показательный пример можно привести также приказ председателя Мариинско-Посадского районного рабочего бюро И. И. Шкирина от 2 ноября 1920 г.: «К 15 ноября должны закончить выполнение всех разверсток – хлебной, масляничной, мясной, картофельной – и свезти на ссыпные пункты. Все это должны исполнить во что бы то ни стало, это ваш долг перед Советской Республикой, доблестной Красной армией, голодающими рабочими Центра. Не останавливаться ни перед чем. Назначайте селениям сроки, не более 24 часов, после чего приступайте к насильственному отчуждению. Берите разверстку в двойном размере у всех нежелающих выполнять. Конфискуйте скот, если не окажется хлеба. Заставляйте ссыпать первых председателей сельсоветов и волсоветов, членов коммунистических ячеек, зажиточных крестьян, арестуйте всех саботирующих председателей волсоветов и сельсоветов и всех тормозящих общий ход продовольственных работ. Жду ответ: инструкторы, комиссары отрядов и их помощники, и члены продотрядов, что вы исполните свой долг. Знайте, что небрежное отношение к делу, вялость в работе, лень будут мной рассматриваться как нежелание помочь советской власти и как преступление перед революцией и все, начиная с инструктора и кончая продотрядниками, будут привлечены к законной ответственности по всей строгости революционного времени» [2, 5–5 об.].

Выполняя эти указания, продотряды, оказывая давление на крестьян, не останавливались перед прямыми нарушениями революционной законности. Среди наиболее распространенных мер было запираение граждан зимой, в сильные морозы, в холодные амбары на несколько часов [1, 16], [6, 10–12], [7, 30].

В качестве примера можно привести деятельность продотряда № 966 в Янтиковской волости Цивильского уезда в конце 1919 г. В ответ на многочисленные заявления крестьян и обращения местных органов власти была создана специальная комиссия во главе с управляющим Цивильским уездным отделением государственного контроля Мамакиным, которая провела обследование Шихранского райпродкома и деятельности продотряда. Кроме того, для расследования жалоб Казанский губпродком направил своих уполномоченных, подтвердивших обоснованность жалоб граждан. В результате деятельности комиссии и уполномоченных было установлено, например, что в д. Норваш-Кошки, согласно статистическим данным, «излишек» выразился в количестве 345 пудов. Однако по продразверстке деревня получила задание сдать 1726 пудов. После того как наряд был выполнен в полном объеме, райпродком на селение наложил еще 1000 пудов. Такое же дополнительное задание было наложено на селения Уразкасы, Нижарово и некоторые другие, которые первые наряды выполнили добровольно и в полном объеме. Поскольку новые задания не выполнялись, то в этих селениях были проведены подворные обследования. Никаких результатов они не дали, и «райпродком, в погоне за 100 % выполнением наряда губпродкома, приступил со второй половины января, особенно в «Неделе фронта» с 22 января, к принудительному отчуждению, не считаясь ни с нормой обеспечения, ни с классовой принадлежностью». По распоряжению члена коллегии

Шихранского райпродкома Логинова отбиралось абсолютно все найденные зерно и мука, а также скот. Отбор продовольствия сопровождался арестом как членов сельских Советов, так и отдельных граждан, у которых находили незначительное количество хлеба. Так, только в Яншихово-Норвашском обществе было арестовано 17 граждан, которые были помещены в холодный амбар и в более чем 20-градусный мороз просидели там весь день. Как установила комиссия, местные граждане, созвав общее собрание, стоя на коленях, упрашивали Логинова «оставить им хоть какую-нибудь норму», но тот, достав револьвер, потребовал от собрания разойтись [6, 10–11].

При этом председатель Шихранского райпродкома Г. Которов однозначно одобрял подобные меры продотряда. По его словам, «благодаря энергии и преданности делу продотрядов и их руководителей удалось почти выполнить разверстку, но, увы, органы, чуждые продовольственной политике, признают преступным всякое насилие над населением по выкачке хлеба и вместо благодарности за добросовестную работу подвергли одного из таких продовольственных работников, именно члена коллегии Логинова, даже заключению. В райпродком за всю эту кампанию поступило до 300 жалоб на действия продотрядов, по рассмотрении коих оказалось, что все жалобы, за очень малым исключением, неосновательны и были вызваны исключительно принудительными мерами, принятыми для выкачки хлеба. Эти товарищи честно выполнили свой служебный долг, наказанный им губпродкомом и Центром, и отвечать за это не должны, не могут. При нежелании дать добровольно хлеб надо его взять силой – это задача райпродкома, это его обязанность» [8, 122 об.]. Если же где-то хлеба не осталось на обсеменение полей и прокормление людей и скота, то, по мнению Г. Которова, «виноваты тут всецело местные волостные сельские органы, которые взяли больше хлеба у неимущих за счет имущих», а также статистический отдел, «который во многих случаях дал несуразные данные, их пришлось потом совершенно игнорировать и действовать лишь по собственным предположениям по теории вероятности» [8, 123–123 об.].

21 марта 1922 г. Ревтрибунал Чувашской АО вынес решение прекратить дело по обвинению Канашского райпродкомиссара Ванькова и члена коллегии Логинова в неправильных действиях во время сбора продразверстки «ввиду того, что преступление совершено до амнистии от 7 ноября 1920 г. и проступок носит не корыстный характер» [6, 19].

Крестьяне, возмущенные действиями продармейцев, жаловались на многочисленные злоупотребления при проведении реквизиций хлеба, прежде всего на то, что хлеб изымался полностью и установленные декретом нормы потребления не соблюдались [4, 16–17]. Однако здесь следует иметь в виду, что с обострением продовольственного вопроса на места начали рассылаться указания, что нормы Наркомпрода следует рассматривать только как примерные цифры для расчета разверстки, «а не как обязательство оставить по ним каждому двору в отдельности соответствующее количество». Говорилось, что «население необходимо на практике приучить к мысли, что, распродавая мешочникам свои излишки, зарывая их, гноя в ямах, оно обманывает только себя, ибо разверстка продорганов должна быть выполнена безусловно, и, следовательно, растроченный хлеб будет пополнен из собственных запасов населения» [13, 17].

В историографии также отмечалось, что процесс насильственного изъятия продовольственных ресурсов еще более усилился после образования в июне 1920 г. Чувашской автономной области. Согласно ряду исследователей, руководство «новой» Чувашии хотело показать Москве, что автономия отдает все силы и средства для разрешения

продовольственного кризиса в стране, хотело отрапортовать о перевыполнении автономией планов по поставке государству сельскохозяйственной продукции [21, 14], [22, 160, 377].

Резюме. Жесткая политика в отношении выполнения плана хлебозаготовок, когда хлеб выгребался из хранилищ и тайников дочиста, неизбежно вела к значительному уменьшению имущественного расслоения крестьянства за счет общего понижения уровня жизни населения. К тому же данному процессу способствовало введение различного рода чрезвычайных налогов и повинностей, реквизиции скота и лошадей. В частности, существенная роль принадлежала кампании по взиманию чрезвычайного революционного налога 1918 г., что уже отмечалось в историографии [19], [20]. Страдали и зажиточные крестьяне, поскольку кулаки были объявлены советской властью врагом, который должен быть уничтожен, и более многочисленные в количественном отношении средние слои крестьянства, на которые ложился основной груз повинностей и налогов. Тогда как беднота, напротив, поддерживалась за счет специальных фондов, создававшихся из части продрозверстки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. Р-54. – Оп. 1. – Д. 22.
2. ГИА ЧР. – Ф. Р-61. – Оп. 1. – Д. 491.
3. ГИА ЧР. – Ф. Р-106. – Оп. 2. – Д. 53.
4. ГИА ЧР. – Ф. Р-116. – Оп. 2. – Д. 1.
5. ГИА ЧР. – Ф. Р-127. – Оп. 1. – Д. 44.
6. ГИА ЧР. – Ф. Р-146. – Оп. 1. – Д. 44.
7. ГИА ЧР. – Ф. Р-194. – Оп. 1. – Д. 55.
8. ГИА ЧР. – Ф. Р-194. – Оп. 1. – Д. 60.
9. ГИА ЧР. – Ф. Р-194. – Оп. 1. – Д. 64.
10. ГИА ЧР. – Ф. Р-341. – Оп. 1. – Д. 22.
11. ГИА ЧР. – Ф. Р-389. – Оп. 1. – Д. 6.
12. ГИА ЧР. – Ф. Р-389. – Оп. 1. – Д. 122.
13. ГИА ЧР. – Ф. Р-389. – Оп. 1. – Д. 354.
14. ГИА ЧР. – Ф. Р-389. – Оп. 1. – Д. 376.
15. ГИА ЧР. – Ф. Р-481. – Оп. 1. – Д. 96.
16. ГИА ЧР. – Ф. Р-482. – Оп. 3. – Д. 1.
17. Декреты Советской власти. Том II. 17 марта – 10 июля 1918 г. – М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. – 686 с.
18. История Чувашии новейшего времени : в 2 кн. Кн. 1. 1917–1945. – Чебоксары : ЧГИГН, 2001. – 262 с.
19. Касимов, Е. В. Механизм обложения крестьянских хозяйств при проведении кампании по взысканию чрезвычайного революционного налога 1918 г. / Е. В. Касимов // Государство и общество в России : тернистый путь взаимоотношений и взаимодействия (К 20-летию Конституции Российской Федерации) : II Смирновские чтения : сб. статей междунар. науч.-практ. конференции. – Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2014. – С. 339–350.
20. Касимов, Е. В. Социальный состав плательщиков чрезвычайного революционного налога 1918 г. (по материалам Чувашии) / Е. В. Касимов // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2010. – № 3 (67). – Т. 1. – С. 75–80.
21. Козлов, Ф. Н. Голод 1921–1922 годов и изъятие церковных ценностей в Чувашии / Ф. Н. Козлов. – Чебоксары : Новое время, 2011. – 176 с.
22. Минеева, Е. К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920–1930-е годы). – Чебоксары : Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2009. – 594 с.
23. Петров, И. Е. Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата / И. Е. Петров. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1968. – 176 с.
24. Стрижков, Ю. К. Продовольственные отряды в годы Гражданской войны и иностранной интервенции. 1917–1921 гг. / Ю. К. Стрижков. – М. : Наука, 1973. – 314 с.